

П. И. Карпов

**Творчество душевнобольных
и его влияние на развитие
науки, искусства и техники**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7.03
ББК 85
К26

K26 **Карпов П.И.**
Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники / П. И. Карпов – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2021. – 230 с.

ISBN 978-5-519-71568-3

Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники [Текст]. - Москва : Гос. изд-во ; Ленинград : Гос. изд-во, 1926. - 199, [1] с., [12] л. цв. ил. : ил., факс.; 22 см. - (Научные монографии).

ISBN 978-5-519-71568-3

© Lennex Corp, 2021
© П.И. Карпов, 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В В Е Д Е Н И Е.

Часто душевнобольные, находясь на излечении в лечебницах, проявляют себя странным образом, например: рисуют на стенах, лепят из хлеба фигурки, пишут и т. д.; но эти занятия не старались ввести в нормальное русло. В прежнее время эти работы душевнобольных мало обращали на себя внимания, и почти никто не интересовался этими „забавами“, скорее ставилось препятствие такому времяпрепровождению, так как предполагалось, что больной утомляет себя работой и тем может повредить своему здоровью или удлинить срок продолжительности болезненного процесса.

Постепенно взгляд на вышеприведенное явление изменился; врачи стали смотреть на данное явление как на творчество, и, кроме того, было замечено, что такое занятие нередко отвлекало больного от охвативших его идей и служило средством успокоения.

Врач, наблюдая за работой душевнобольного и таким образом уделяя ему больше внимания, чем при обычном обходе, создает условия для проявления со стороны больного большего доверия к лечащему врачу, и, как следствие доверия, больной становится более откровенным с врачом, что дает возможность последнему более глубоко проникнуть в болезненный процесс, и таким образом в распоряжение врача поступает больше мотивов для индивидуализации ухода и лечения.

Душевнобольные в больницах в зависимости от степени возбуждения иногда проявляют разрушительные действия, нападают на окружающих, причиняют повреждения и себе, и другим лицам, а иногда покушаются на самоубийство или

на жизнь персонала. Умение заинтересовать больного той или иной работой может отвлечь его от таких намерений.

На разрушения и нападения больных нужно смотреть так же, как на творчество, но последнее имеет отрицательный характер. Многое зависит от внимания и умения врача, который при помощи своего умелого вмешательства может разрушительное творчество превратить в созидающее.

Душевнобольные творят по тем же законам, как и здоровые люди, а потому наблюдение творческого процесса у постели больного, наблюдение самого творца и изучение его самого и творчества ему присущего может способствовать освещению темных недр творческого процесса вообще. Творчество душевнобольных, как было сказано выше, дает возможность лечащему врачу наблюдать больного в эти моменты и входить с ним в более интимную духовную связь, способствующую глубокому проникновению в недра психического механизма творческого процесса.

Больницы для душевнобольных до сих пор ведут крайне замкнутый образ жизни, благодаря чему до последних дней о них передаются из уст в уста легендарные сказания о насилиях над больными, проявляемых ухаживающим персоналом. Поверья такого характера являются наследием дореформенных больниц, когда к больным применялось легальное насилие в виде смирительных рубах, изоляторов для буйных больных и т. д., т.-е. о тех приемах, которые давно изгнаны из благоустроенных больниц; но так как сторонний взгляд редко является свидетелем жизни этих специальных больниц, то творческая фантазия создает легендарные картины, а многоустная молва передает из поколения в поколение сказочные страхи, живущие, по мнению рассказчиков, и по настоящее время за стенами „желтых домов“.

Предлагаемая читателю работа, быть может, до некоторой степени будет способствовать рассеянию мрачных туч, скившихся над больницами душевнобольных; быть может, эта работа обратит внимание широкой публики и будет способствовать утверждению правильного взгляда и на сущность душевного заболевания. До сих пор на данные заболевания смотрели как на самое большое несчастье,

постигшее человека. Но это мнение не имеет в основе своей прочного фундамента, так как душевнобольные, попадающие в специальные лечебницы, поправляются от своего недуга в неменьшем проценте, чем соматические больные. Между тем и родственники, и знакомые душевнобольного, помещенного в лечебницу, считают его заживо погребенным, предполагая, что он уже навсегда потерян и для семьи, и для общества. Больницы для душевнобольных давно уже пережили средневековье, общественное же мнение до сих пор иногда питается историческим прошлым.

Общество должно знать, что душевнобольные представляют собой большую ценность, так как некоторые из них в периоды заболевания творят, обогащая науку, искусство и технику новыми ценностями.

Иногда под влиянием болезненного процесса, в силу каких-то внутренних причин больной впадает в творческое, интуитивное переживание, создающее то новые теории, то практические изобретения, опережающие на много времени обычную жизнь.

Творцы в области науки, искусства и техники почти все страдают нервной неуравновешенностью, характеризующейся отвлекаемостью и способностью обобщения на основе недостаточного количества признаков. Вышеприведенные симптомы могут не доводить субъекта до больницы, но образ его мышления имеет все свойства, присущие циркулярному психозу. Больные и другими формами душевного заболевания также могут создавать новые ценности, что подробнее будет изложено при описании творчества отдельных форм душевных заболеваний.

Среди теорий, поясняющих причины возникновения душевных расстройств, есть одна, заслуживающая широкого внимания. Эта теория сводится к следующему: человечество не закончило цикла своего развития. Скелет, мышцы и внутренние органы сравнительно мало изменяются в смысле прогресса, что же касается центральной нервной системы, то последняя делает большие шаги вперед. На путях развития среди человечества появляются такие индивиды, которые опережают в своем развитии остальное человечество, поэтому эти индивиды представляют из себя неустой-

чевые формы в отношении заболевания душевным расстройством. Следовательно, человечество в лице душевнобольных приносит жертвы, устилая путь своего развития людьми, впадающими в состояние психического хаоса.

Но ведь не все душевнобольные впадают в состояние психического хаоса. Есть много душевнобольных, которые, перенося заболевание, не переходят грани, связывающей здоровую жизнь с болью, но их настроение, их психическая устойчивость видоизменяются в сторону меньшей сопротивляемости в борьбе за жизненную приспособляемость. Такие неуравновешенные люди владеют особенностями, присущими их психическому аппарату, сводящимися к следующему: под влиянием каких-то внутренних причин больные некоторыми формами психического расстройства могут впасть в особое состояние, свойственное интуитивному переживанию, результатом которого выявляется творческий процесс.

Циклотимия, повидимому, является такой психической болезнью, когда, не поддающиеся исследованию, внутренние причины создают в организме условия наибольшего общения бодрственного сознания с подсознанием, когда синтетический процесс последнего, оформляясь, выкристаллизовывается в потоке бодрственного сознания, сопровождаясь приятными внутренними переживаниями, испытав которые, у субъекта выявляется очень резкая потребность к дальнейшим переживаниям такого порядка. Это приятное переживание свойственно только первому периоду интуитивного процесса, т.-е. рождению оформленной идеи в потоке бодрственного сознания; в дальнейшем наступает второй стадий творческой интуитивной работы, заключающейся в аналитической переработке выкристаллизовавшегося готового решения, дающего возможность из законченного синтетического вывода создавать стройные научные теории, оплодотворяющие жизнь новыми ценностями.

Циклотимики в области искусства дали самые высокие образцы. Почти все высокие творцы несли отпечаток данного болезненного процесса, что легко выявить из их жизнеописаний.

В области техники данные больные или мыслящие по шаблону,циальному данному заболеванию, дали жизни новые ценности как в области обрабатывающей, так и производящей промышленности.

И другие душевные болезни обладают способностью вскрывать иногда внезапно родники творческого процесса, результаты которого опережают обычную жизнь иногда очень надолго.

Следовательно, душевнобольные, попадающие в больницы, так же как и больные, переносящие свое заболевание дома, представляют большую ценность не только в смысле наблюдения, но и в смысле выявления их положительного творчества, при неумении же использовать последнее некоторые больные расходуют свою энергию на непроизводительную, а иногда и на разрушительную работу. Уменье и такт врача могут направить творческую деятельность больного в желательное русло.

Выдержки из данной работы послужили темами для докладов в Российской Академии Художественных Наук, в Государственном Институте Истории Искусства, в Русском Музее и Обществе Врачей, где результаты, выявленные на образцах творчества душевнобольных, вызвали живой интерес как у ученых, изучающих искусство, так и у психологов, разрабатывающих проблемы творческого процесса.

Внимание ученых к данной работе дало мне смелость обобщить полученные мною результаты и дать нечто цельное из того, что было разрознено по отдельным докладам.

Данная работа предназначается не только для врачей, но и для лиц, изучающих искусство, и лиц, занимающихся вопросами творчества, поэтому мы даем не только описание творчества, присущего той или иной форме душевного расстройства, но предлагаем и краткие сведения о самом заболевании. В данном случае нами руководят следующие соображения. По психиатрии почти нет популярной литературы, специальная же литература недоступна неподготовленному лицу, а потому и пользование ею затруднительно. Без знакомства же с заболеванием трудно связать с ним творчество, ему присущее. Кроме того, как было сказано выше, среди широкой публики циркулируют изустно

передаваемые факты из жизни психиатрических больниц, мало или совершенно не имеющие связи с действительным положением и ведением работы в них. Такие сведения пугают лиц, не знакомых с жизнью данных учреждений, а потому боязливое отношение к ним прочно держится и теперь.

Более широкое знакомство с пациентами психиатрических больниц может изменить установившееся мнение, придав ему более правдивый характер.

Многие узнают, что, затрачивая средства на содержание психиатрических больниц, они тем самым создают условия, в которых могут вылечиваться люди, нужные для жизни, так как они могут вносить в жизнь новые ценности, на много опережающие ее течение.

Легко представляю себе недостатки данной работы; но на русском языке больших оригинальных работ по данному вопросу нет. Я работаю по вопросу творчества душевнобольных давно, мною собрана очень большая коллекция работ душевнобольных, состоящая из нескольких тысяч рисунков и рукописей. Благодаря затруднениям с печатанием, я делился своими наблюдениями путем докладов, делаемых в различных научных учреждениях, внося в них те сведения, которые мне удалось выявить благодаря личному наблюдению над реализацией творческого процесса у больных. Эти наблюдения создали прочное убеждение в том, что в этой области есть много интересных фактов, подлежащих изучению.

То, что добыто мною, я и представляю в распоряжение читателя.

ГЛАВА I. ТВОРЧЕСТВО ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ.

Исторические сведения.

Душевные болезни столь же стары, как стар и человеческий род. Самые ранние предания, скрывающие свои следы в глубокой, седой старине, самые ранние письмена, вещающие нам о делах давно минувших дней, упоминают об особых болезнях, связанных с проявлением нарушения психической деятельности.

Саул, Аякс, Улисс — уже более поздние лица, страдавшие нарушением психики. Давние гадания (оракулы) были связаны с проявлением нарушения ориентировки при наличии бессвязной речи и др. симптомов, свойственных больным психиатрических больниц.

Последнее время лица с так называемыми медиумическими особенностями проявляют вышеупомянутые симптомы и заменяют, отошедший в область истории, оракул. Помимо их, имеются и такие душевнобольные, которые не могут оставаться в обычных условиях жизни и подлежат изоляции, специальному лечению и уходу.

Объяснения причин заболевания.

В зависимости от господствовавшего мировоззрения душевые заболевания объяснялись в меру знаний, которыми владело человечество.

В то время, когда добро и зло, представлявшиеся в умах человеческих в виде живых существ, внедрившихся в организм, являлись причинами, могущими повергнуть психи-

ческую жизнь в состояние хаоса, сделать человека неспособным пользоваться преимуществами общежития, так как он вступал в конфликт как с юридическими нормами, так и с обычным правом, регулирующими общественную и индивидуальную жизнь,— в то время люди твердо верили в возможность внедрения злой силы в организм и в ее способность производить душевные расстройства; такое внедрение называли одержанием, т.-е. внедрившаяся в организм сила одерживала человека и понуждала его изменять поведение в неприемлемом для общежития направлении.

В связи с вышеприведенным пониманием душевых расстройств и меры терапевтического воздействия на душевнобольных сводились к изгнанию их из городов и селений, произнесению над ними заклинаний, а позднее таких больных помещали или в тюрьмы, или в монастыри.

В связи с учением о свободе воли изменился взгляд на душевнобольных: предполагалось, что человек, обладающий свободной волей, может по своему желанию культивировать в себе или добрую волю, не способную вступать в конфликт с существующими юридическими нормами и с моральными устоями, господствующими в обществе и государстве,— или он развивает злую волю, неизбежным спутником которой являются проступки и преступления, караемые принудительным законом. Душевнобольные постоянно нарушают законы, следовательно, они виновны в том, что развивают в себе злую, преступную волю, а потому они подлежат наказанию и изоляции, и первое, и второе объединяются тюремным заключением, а потому душевнобольные должны были содержаться в местах заключения. В монастыри помещали больных потому, что одержание их, по тогдашнему мировоззрению, могло уступить только религиозному вмешательству. Живущие в монастыре не приспособляли себя к уходу за душевнобольными и смотрели на эти обязанности как на побочную, им не свойственную работу, а потому весь уход за душевнобольными сводился к их питанию.

Гиппократ за 460 лет до нашей эры видоизменил воззрение на душевное расстройство, введя материалистическое толкование последнего. Гиппократ признавал

мозг органом душевной деятельности, а потому он вывел больных из храма Эскулапа с тем, чтобы организовать за ними правильный уход и лечение обычными фармацевтическими средствами.

В средние века, когда гнёт на трудящиеся массы достиг наивысшего напряжения, когда, живший за счет чужого труда, правящий класс имел права не только на имущество трудящегося, но и на осквернение его тела и на его жизнь,— психическая жизнь трудящихся часто выходила из нормального русла, погружая людей в больший или меньший психический хаос.

Истерия захватывала целые области и протекала с резким нарушением психической деятельности, при наличии галлюцинаторных переживаний, а частичная потеря чувствительности, являющаяся обычным симптомом при истерии, трактовалась как печать диавола, а потому к таким больным применялись пытки, цепи, темницы и костры,— приемы, от применения которых нельзя ожидать хороших результатов.

XVIII век, век расцвета гуманитарных наук, положил конец издевательствам над больным человеком, и для душевнобольных засияло солнце, ибо они были выведены из подземных казематов, их перестали пытать, с них сняли цепи, и имена врачей Пинеля и Эскироля вписаны на беспристрастные страницы истории с тем, чтобы они вешали миру о том, что душевнобольной, как и всякий больной, нуждается в правильном уходе и лечении, что при наличии последних % выздоровления душевнобольных не менее % выздоровления больных соматических.

Успехи анатомии, гистологии, физиологии и химии стали все более и более убеждать ученых, что душевные болезни, также как и соматические, происходят вследствие внедрения в организм организованных и неорганизованных ядов, нарушения химизма, состава сред организма; нарушения физиологических процессов внутри тканей создают условия для проявления душевного расстройства; видоизменение деятельности внутренних органов вовлекает в страдание центральную нервную систему, благодаря чему в клиническую картину болезни ярким и выпуклым явлением вплетаются симптомы нарушения психической жизни.

Границу здоровья и душевного расстройства уловить трудно, а точно формулировать совершенно невозможно. В самом деле, кому придет в голову считать душевнобольным человека раздражительного, с неустойчивым нервным равновесием, злого, без нужды стремящегося к обогащению, к пьянству, ведущего человечество к вырождению.

Здоровому человеку глубоко не симпатичен скупой рыцарь, Плюшкин, Иудушка Головлев, но когда эти типы встречаются в жизни, то никому не приходит в голову помещать их в дом умалищенных.

Многие страдают навязчивыми идеями, сами сознавая их нелепость, не имеют сил бороться с ними, а потому рабски отдают себя их властным причудам, но мы их не изолируем. Но если эти странности отражаются вредно на окружающих, например, у клептоманов, пироманов и др., то меры изоляции являются неизбежными.

Аморальные поступки нередко яркими этапами вплетаются в человеческое поведение, иногда аморальные люди становятся отрицательными историческими личностями, как, например, Аракчеев, Малюта Скуратов, но тем не менее они пользовались не только свободой, но и властью.

Жизнь знает и такие типы, которые, живя в обычных условиях, чувствуют непреодолимое желание причинять страдание другим. Нередко объектами жестокости являются животные, последних мучают самым безжалостным образом, самыми возмутительными приемами. Таких лиц изредка привлекают к ответственности, но душевнобольными не считают. Наши дети летом ловят насекомых, приготовляя из них бесчисленные, никому не нужные коллекции, они же по побуждениям так называемой любознательности вскрывают живыми низших животных, причиняя последним жестокие страдания, но своими действиями они ни в ком не вызывают протеста, наоборот, их поступки нередко радуют любвеобильные родительские сердца.

Но вот выступают на жизненную арену убийцы, которые из-за пустяковой наживы лишают жизни сразу несколько человек. Таковыми убийцами являлись в наше недавнее время Котов, Петров и др.